

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ: РУССКИЕ, УРАЛЬЦЫ, ПЕРМЯКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

А.В. Теленков,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Пермский филиал Института
философии и права УрО РАН

Хронологически представлена первая часть изучения заявленной тематики, рассматривающей Пермский регион второй половины XIX – начала XX вв. Анализом современной ситуации в этой области занимается исследователь М.В. Назукина, исследование которой появится в следующем номере журнала.

Этническому (национальному) самосознанию русских посвящено большое количество научных трудов и работ публицистического характера. И, тем не менее, данная тема вечная, весьма дискуссионная и зачастую чревата излишним субъективизмом авторов. Безусловно, весьма трудной задачей было бы охватить целиком этническое самосознание русского народа с выделением его существенных черт, региональных особенностей, изменений во времени, структуры, социального облика и роли в истории. Именно поэтому серьезные исследователи предпочитают сужать тему до некоторых аспектов духовной культуры (религиозность, народные поверья, устное народное творчество, народный календарь и т.д.) и «привязывать» свои изыскания к конкретным историческим эпохам. Ведь, согласитесь, что общего между опричниками Ивана Грозного, декабристами, подольскими курсантами и новорусскими бизнесменами? – почти ничего (даже

язык друг друга они бы не всегда поняли). Общее у них только одно – осознание себя русскими, однако же анатомия самосознания в каждом отдельном случае будет в немалой степени своеобразна.

В связи с этим, исследуя такой феномен, как этническое самосознание, необходимо рассматривать его в рамках определенных исторических событий, поскольку невозможно охарактеризовать русских вообще: любой такой характеристике найдется тут же живое опровержение. Материалы XIX века красноречиво свидетельствуют о православной сущности русских; первая четверть XX столетия начисто это опровергла, как бы для того, чтобы спустя 70 лет опять об этом вновь заговорить. Так православны ли русские? Православны. Можно с успехом доказать это. Не православны. И это же найдет множество аргументов. Несомненно, на такой вопрос будет легче ответить, если рассматривать его через призму конкретных исторических вех.

Одна из таких интереснейших эпох – вторая половина XIX – начало XX вв. Здесь наблюдается единство факторов, влияющих на этническое самосознание: самодержавие, аграрное общество с зачатками капитализма, Русская православная церковь, историческая память, влияние средств массовой информации, развитие коммуникаций с применением парового двигателя. Конечно, не так все однозначно и, тем не менее, названные факторы в значительной степени определяли сущность этнического самосознания русских в рассматриваемый период. Не трудно заметить, что прошло всего 100–150 лет (что по историческим меркам несказанно мало), а столпы идентификации русского народа коренным образом изменились. В то же время эта эпоха сохранила достаточное количество письменных источников, на основании которых можно воссоздать основные черты самосознания этноса и сравнить с последующей советской эпохой и современностью.

Не последним по важности (ныне почти потерявшим свое значение) в формировании этнического самосознания является региональный фактор. Так сложилось исторически, что русский этнос в обозначенный период весьма неоднороден: очевидна разница между поморами и донскими казаками, москвичами и чалдонами, туляками и уральцами... В каждом регионе бытуют свои предания, почитаются свои святые, имеется своя история края. При этом все русские группы осознают свое родство, помнят события национального масштаба, являются одним народом. Другими словами, подобная мозаичность ничуть не мешает существованию целостности этноса, – скорее даже, наоборот, скрепляет национальные узы.

Ниже речь пойдет не только о самом Среднем Урале, но и о тех символах, что его составляют: полезные ископаемые, реки, заводы, исторические личности и события, – все, что в конечном счете формирует целостный и самобытный образ Среднего Урала. Кроме того, в данном

случае будет поставлен знак равенства между именами *Средний Урал*, *Пермская губерния*, *Пермская земля* и *Пермский край*. Все это синонимы, поскольку в названное время все это, помимо единого культурного пространства, с 1781 г. – единое административно-территориальное образование – Пермская губерния, которая охватывала территорию современного Пермского края, Свердловской области и ряда районов нынешних Челябинской и Курганской областей.

В наши дни региональное разнообразие русских в значительной степени нивелировано. Однако на рубеже XIX – XX вв. локальные наименования русских групп были весьма важны. Не удивительно, что в изученном материале этноним *русские* звучит достаточно редко (если не брать в расчет официальные публикации исследуемого периода), зато есть множество географических имен местного происхождения, прозвищ и присловий. Все это собиратель произведений устного народного творчества Д.К. Зеленин считал голосом народа о самом себе и своих соседях: в присловьях отразились черты культуры, быта и мировоззрения¹.

В своей книге «Кама и Урал» брат известного режиссера Вас.И. Немирович-Данченко, посетивший край в 1876 году, рисует вполне убедительную картину народных знаний о родных местах. Местные жители во всех подробностях повествовали ему о происхождении деревень и заводов, возвышающихся скал и глубоких речных омутов, об обычаях и поверьях. Пожалуй, одно из наблюдений автора книги – неподдельная любовь народа к своему родному краю и гордость за земляков. «Наши уральцы почище американцев могут», – утверждал автору произведения священник с Коршуновской угольной копи².

Пожалуй, первым символом земли Пермской, в хронологическом смысле, являлась соль, которую местные жители, да и население других русских регионов, любовно именовали «соль-пермячка». Да-

¹ Зеленин Д.К. Избранные труды: статьи по духовной культуре 1901 – 1913. М., 1994. С. 61.

² Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1904. С. 50–51.

лее эта тема нашла продолжение в осознании ценности и роли земных богатств края. Затем пальма первенства перешла уральским заводам как логическому продолжению представлений о земных богатствах. Путешественник Н.Д. Телешов, проезжая Урал, отмечал, что кто на Урале не видел заводов и заводскую жизнь – не видел ничего³.

Осознание ценности горных богатств Урала и вытекающая из этого производственная деятельность стали основанием для выделения региональной группы русских – уральцев. Весьма показательны в данном случае высказывания народа о причинах Первой мировой войны. Боевые действия, согласно приводимым В.П. Бирюковым словам учителя из Юрюзанского завода, начались из-за отказа нашего царя дать Ильмень-гору на разработку германскому императору Вильгельму⁴. Осознание себя сыном родного края было чрезвычайно важно в процессе региональной самоидентификации. В.П. Бирюков также приводит очень любопытный рассказ некоего Гилева, жителя с. Сулем, в котором отражен спор уральца с украинцем о богатствах родной земли. Один с

большой гордостью называл себя «сыном Украины», другой – «сыном Урала». Не удивительно, что в, возможно, сочиненной самим рассказчиком истории собравшееся разбирать спор офицерство присудило победу уральцу. Причем богатство края определялось наличием в его недрах полезных ископаемых и драгоценных камней⁵. Если вспомнить русскую литературу, из уральских писателей самыми популярными, вероятно, следует считать П.П. Бажова и Д.Н. Мамина-Сибиряка, ставших известными во многом благодаря поднятию темы земных богатств Урала.

Безусловно, еще одно не менее ценное богатство региона – многочисленные и полноводные реки (по этому поводу можно вспомнить сожаления А.С. Новикова-Прибоя, что матросы во флоте, набранные из центральных регионов России, не имели возможности научиться плавать в родных местах). Важнейшие из водных артерий Среднего Урала – Кама и Чусовая. Первая есть крупнейшая река Урала, связывающая регион посредством Волги с европейской Россией. Вторая – река, соединяющая территории обоих склонов

Город Чердынь

³ Телешов Н.Д. За Урал // В Парме. Пермь, 1988. С. 302.

⁴ Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Кругляшовой.

⁵ Там же. С. 96 – 97.

Уральских.

Судовщики, лоцманы, бурлаки, по свидетельству В.И. Немировича-Данченко, любовно именовали Каму матушкой, «кормилицей богоданной»⁶. М.А. Осоргин, будучи в эмиграции, тяжело переживал разлуку с родиной, в том числе и с Камой, – рекой, на берегах которой прошло его детство. Свое, родное, русское, как бы воплотилось у писателя в Каме; ни одна европейская река не выдерживала сравнения с ней. Кама для М.А. Осоргина и была Родиной. Изъездив всю Европу он писал: «...чужие моря, чужие жалкие лесочки, дрянные европейские речушки (Тибры, Темзы, Сены, Шпрее), всему пять сантимов цена, – вернулась бы Кама хоть ценой половины уже считанных лет!»⁷.

Несомненно, каждая река Урала обладает своей неповторимой красотой и особенностями. И все же нельзя не упомянуть о Чусовой – жемчужине Урала, «самой живописной реке» края. Кроме того, Чусовая, соединяя западный и восточный склоны Урала, представляла собой важ-

нейший транзитный путь. Именно поэтому названная река, прочно войдя в народное сознание, породила массу преданий и рассказов о характере реки, сплавной работе и жизни уральского населения. «Заповедная», былинная река Ермака, кормившая все прилежащие селения, Чусовая воспринималась, подобно Чердынскому краю, как некий укромный уголок Руси. Эта укромность и былинность связана, помимо истории, с той опасностью, которую таили в себе скалистые берега реки, и с ее непростым характером (в переводе на русский язык *Чусовая* означает «быстрая река»). Не случайно камни по ее берегам имели красноречивые названия: «Бойцы», «Разбойник», «Шило», «Игла» и др. Суровость и «жестокость» реки, о камни которой постоянно разбивались барки и в результате гибли люди, породило множество поговорок, в том числе отражающих специфику сплавной работы и оригинальность края. «Кто на Чусовой не бывал, – гласит одна из них, – тот Бога не видал». Другая утверждает: «На Чусовой простиись с родней»⁸. Тем не

Вид на гору Полуд (г. Чердынь)

⁶ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 21.

⁷ Родное Прикамье: хрестоматия по литературному краеведению / сост. Д.А. Красноперов. Пермь, 2001. С. 11.

⁸ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 87

менее в народе реку именовали не иначе как «кормилица», что находит параллели с другими водными артериями Урала и страны⁹. Таким же эпитетом наградили в народе, например, Волгу и Каму. Так же, как в других областях России, реки Урала были объектом народной любви, душой местных жителей.

В региональной самоидентификации жителей Пермской губернии, кроме представлений народа о богатствах края, его роли в жизни страны, его истории, ключевую роль играл образ Урала. Последний воспринимался не столько как горный массив, сколько как родная земля, территория обитания, не лишенная некоего сакрального смысла. Весьма кстати было бы привести слова великого отечественного ученого Д.И. Менделеева, напрямую связывавшего судьбу России с судьбой Урала. «Вера в будущее России, – писал он, – всегда живая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом»¹⁰. Нетрудно заметить здесь перекличку с известной строчкой А.Т. Твардовского: «Урал! Опорный край державы!». Осознавали это и сами уральцы, именуя себя «сыновьями Урала», о чем

шла речь ранее. Были даже попытки представить Средний Урал как перспективный туристический край; на страницах газет его сравнивали даже с Кавказом. В 1914 году в «Пермских губернских ведомостях» авторы статьи «Куда ехать» утверждали следующее: «Чудных, красивых уголков на Руси не обобратся»; после этого следовало предложение провести отдых на Урале¹¹.

В некотором смысле в народных представлениях этот «чудный, красивый уголок» рисовался священной землей. В первую очередь основывалось подобное воззрение на истории края: легендарная мессианская деятельность первых пермских святителей, окутанная легендами эпоха Перми Великой, чудские клады и зачатые места, ставший национальным героем Ермак и многое другое. К этому можно добавить осознание исключительности в масштабах страны природных богатств Урала. В то же время сакральный смысл *Урала* проистекал из представлений народа о крае как о безлюдном, диком месте, покрытом завесой тайны. Более того, смеет утверждать, что образ Урала в некоторых фольклорных произведениях пере-

Часовня Спаса Неукотворного (г. Чердынь)

⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Пермь, 1988. С. 281.

¹⁰ Менделеев Д.И. Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. С. 139.

¹¹ Куда ехать // ПГВ. 1914. № 79.

кликается с понятием о потустороннем мире. Так, в уральском варианте сказки про Ивана-царевича и Царевну-лягушку старуха, являющаяся аналогом Бабы-Яги, к которой приходит герой, живет там, куда дойти очень трудно, и место это расположено немислимо далеко за морями и лесами у Чудища Морского в тридесятom государстве. Это место и называется Уралом¹². В сборнике русских сказок, собранных Д.К. Зелениным в Пермской губернии, понятие *Урал* употребляется только для обозначения дикого, дремучего, безлюдного места, где стоит темный лес как символ трансцендентного мира. На трансцендентность, только несколько иного характера, указывают слова ямщика, сказанные В.И. Немировичу-Данченко об уральских местах: «Истинно дивные!.. Здесь бы обителям красоваться... Места самые молитвенные»¹³.

Ко всему прочему, можно присовокупить представление об Урале как о черте, разграничивающей два различных мира, – Азию и Европу. Центр края, город Пермь, служил «проводником русской народности» из Европейской России в «непросвещенные» земли Азии. При этом на страницах печати не безосновательно подчеркивалось экономическое и политическое значение региона для всей страны¹⁴. Уральский горный хребет, впрочем, не столь высокий на Среднем Урале, являлся, таким образом, важнейшей разделительной чертой империи, но в то же время уральцы представляли собой особую общность, соединяющую Россию воедино. И в этом также сознавалась их исключительность в составе общерусского этнического массива.

В то же время и сами уральцы, учитывая подобную географическую границу, выделяли из своего числа как жителей восточного склона хребта, так и население Прикамья. Нельзя, однако же, сказать, что такое весьма условное размежевание достигло серьезного уровня осознания в народной среде, – понятие об

уральской общности было намного сильнее. Все же некоторые отличия существовали. Региональное имя «пермяк», восходящее еще к представлениям о Перми Великой, или «пермяк-соленые уши», звучало по вполне объяснимым причинам в Прикамье; на востоке края употребляли название «уралец». Не случайно, – и этот вопрос уже частично освещался выше, – путешествовавший по нашему краю В.И. Немирович-Данченко структурно поделил свои путевые записи на две части: одну, меньшую, писатель посвятил Каме (описание началось еще с Волги), большая же часть книги повествует об Урале как таковом. Хотя совершенно ясно, что и Кама – это часть Среднего Урала. Тем не менее автор очерка подчеркивает своеобразие и значение Камы в регионе. Связано это с историей края, которая начинается на севере – в Перми Великой, – и хозяйственной жизнью района. На всю страну еще с седых времен Каму прославила соль. Впоследствии на реке расположилась столица Среднего Урала, названная в соответствии с исторической памятью Пермью. Символы же собственно Урала, как отмечалось, несколько иные – земные богатства и заводы.

Тем не менее такое подразделение основывалось на чисто географическом факторе; жители обоих склонов Урала ощущали себя общностью. В.И. Немирович-Данченко отмечает, что уральское население обладало единством исторического сознания, культуры, воззрений на представителей местной власти, комплексом религиозных понятий, поверий и символов. Все население края путешественник именует «уральцами»¹⁵. И, несмотря на отдельное рассмотрение Прикамья и Урала, связанное, скорее всего, с характером передвижения автора (по Каме – парходом, далее – в повозке), В.И. Немирович-Данченко всю исследуемую территорию обозначает как Урал. Подобные представления прочно вошли в научную литературу и сознание местных

¹² Великорусские сказки Пермской губернии... С. 163.

¹³ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Сибирь и Пермь // ПЕВ. 1881. № 7.

¹⁵ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 27.

жителей. За пределами края в русской среде также существует представление об уральской общности. Урал имел в представлениях народа две стороны, соединенных р. Чусовой, без которой «пришлось бы очень плохо всем заводчикам и крупным торговым фирмам»¹⁶.

Помимо географических объектов образ Среднего Урала – это историческая память народа, в которой реальность и вымысел, региональные и общерусские события тесно переплелись, явив собой неповторимый уральский колорит, к сожалению, во многом сегодня утраченный.

В отличие от современных людей, наши предшественники гораздо лучше ориентировались в прошлом своего региона, рассказы о котором передавались от непосредственных очевидцев к потомкам, нежели в общенациональной истории. Именно местная историческая память играла основную роль не только в региональной, но и в этнической самоидентификации. Из конкретных исторических эпизодов, происходивших в родной земле, формировались представления о русской истории, государстве, Родине. Русское национальное самосознание проявляется в преданиях о возникновении населенных пунктов, в памяти о Перми Ве-

ликой и христианизации края, в походе Ермака, в пребывании на Урале отрядов Емельяна Пугачева и в других событиях. Даже современность воспринималась через призму воззрений на родные места, как это видно из приведенного выше примера о трактовке причин Первой мировой войны.

Пожалуй, главный пласт региональной исторической памяти – родовые предания, связанные с происхождением городов и селений. В историях о начале деревень и знаниях о собственной родословной отражена фактически вся местная событийность. Основные мотивы в этих преданиях выстраиваются хронологически. На севере Пермского края сохранились воспоминания о временах Перми Великой, центром которой служил древний русский город Чердынь. Особо следует отметить сказания о населявшей территорию до прихода русских чуди. С именем этого народа связано бесчисленное количество былей, а наравне с этим, и откровенно фантастических рассказов о возникновении разнообразных географических названий. Далее, наиболее популярная личность нашего региона – Ермак Тимофеевич. Народный герой является как бы визитной карточкой Прикамья и

Троицкий собор (г. Соликамск)

¹⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы // Избранные сочинения. М., 1935. С. 183.

Зауралья. К более позднему периоду отечественной истории, нашедшему отклик в сердцах уральцев, можно отнести восстание Пугачева.

Одним из важнейших показателей глубины исторических знаний является представление народа об историческом времени и давности событий. В некоторых, не столь редких случаях, уроженцы какой-либо деревни могли назвать даже точную дату основания родного поселения (хотя чаще упоминалось приблизительное время). Немолодые жители Староуткинского завода тому наглядный пример: их историческая память относила дату появления завода, а вместе с ним и поселка к 1727 году¹⁷. Старожилы д. Мартьяново вели счет времени населенного пункта с 1617 года¹⁸. В других случаях указывали момент появления поселка приблизительно. Деревня Палкино возникла, по свидетельству местных знатоков, раньше Екатеринбурга, что вызывало в некотором смысле гордость. К этому добавим то, что каждый год жители отмечали дату зарождения поселка Палкино¹⁹. Данный пример является в высшей степени наглядным: люди чтят и помнят свою

старину, древность родной деревни выступает в качестве одного из столпов регионального самосознания.

К сказанным чуть выше словам следует сделать необходимую ремарку. Безусловно, не само по себе время было объектом повышенного внимания людей тех лет, как это, вероятно, присуще современным народам. Традиционное мировоззрение словно нанизывает на века и годы те, условно говоря, мифы, которые играют решающую роль в самоидентификации населения. Сохранившееся в народной памяти предание об образовании д. Усть-Койва гласит, что время ее появления относится к эпохе первых Строгановых²⁰. В данном случае первые Строгановы служат временным ориентиром, и здесь не важно даже помнить их имена. Однако сама фамилия есть неотъемлемый элемент мифологии края, не нуждающийся для местных обитателей в объяснении.

В других случаях подобными ориентирами являются уже имена общенационально значения, например, Петр I, Екатерина II, Пугачев и другие, таким образом, местная история начала городов и сел неразрывно была связана в сознании

Дом воеводы (г. Соликамск)

¹⁷ Предания и легенды Урала... С. 40.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Предания и легенды Урала... С. 40–41.

²⁰ Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961. С. 24.

людей с жизнью всей страны. С одной стороны, крестьяне почитали свою малую родину, с другой – понимали ее место в общерусском историческом процессе. Последнее было немислимо без знаний о своем крае, родной деревне или кровных предках. Селение Акинфиево, получившее название от Акинфия Демидова, возникло после того, как заводчик «выиграл у дворянина, или у другого, при Екатерине II, село на Украине и привез всех жителей сюда...»²¹. Кстати, Демидовы на Урале – тот же самый, что и Строгановы, временной ориентир. Тесная связь Петра Великого и фамилии Демидовых была всем ясна, тем более что во многом благодаря их взаимоотношениям край получил мощный толчок к развитию.

Следует заметить, что приведенные выше примеры народной памяти о заселении региона русскими в некотором смысле выступают в качестве этногенетических преданий, рассказывающих, однако, не о происхождении народа, а о появлении в этих местах первых русских людей и возникновении населенных пунктов. Данные повествования раскрывают картину развития русского уральского самосознания – региональной самоидентификации, необходимой, по крайней мере, в тот период, для национального самосознания. Также констатируем, что начало истории малой родины воспринималось через призму конфессиональной принадлежности. Урал воспринимался родиной местного русского населения именно потому, что их предки принесли праведную веру в эту землю, защищали ее, построили здесь свои города и церкви, создали свои святыни.

Широко бытовали в устном народном творчестве предания и легенды о героях Пеле и Полюде. Следует заметить при этом, что Полюда местные жители ставили в один ряд со старорусскими богатырями²². Однако подлинным народным героем, не только напоминающим были-

ных богатырей, но являющимся таковым, был Ермак Тимофеевич. Его образ весьма многогранен – от разбойника до истинного народного героя. Его присутствием в крае объясняется масса топонимов. С его именем связываются надежды на справедливость. Наконец Ермак – это символ всего русского на Урале. Пожалуй, популярнее личности в Пермской губернии трудно было отыскать. Больше того, его имя есть смысл всей истории Урала, форма самоидентификации этнической, конфессиональной и гражданской, а значит, и национальной.

Слова эти будут звучать более убедительно, если взять на себя смелость утверждать, что вряд ли в нашем крае можно было найти человека, не знавшего этой легендарной личности. Неспроста сосланный в 1853 году в Пермь поэт и прозаик Н.Ф. Павлов дает еще одно красноречивое имя нашему краю – «кочевья Ермака»²³. Большинство местных историков и краеведов, так или иначе, в своих работах затрагивали события покорения Сибири. Не умолкают научные споры по поводу происхождения Ермака и деталей его похода. Некоторые современные историки доказывают, что он был вовсе не русским казаком, а сибирским ханом, у которого Кучум отнял трон, что и стало причиной знаменитого похода²⁴. Безусловно, эта давняя история ветхой старины вызывает немало вопросов, однако это тема специального исследования. Здесь же ограничимся констатацией огромной роли самого только имени героя. Также немаловажно акцентировать внимание на том, как память о прошлом (поход Ермака) отразилась на национальном сознании русских уральцев.

В.И. Немирович-Данченко, странствуя по нашему краю, описывает леса, камни, пещеры, где, по местным преданиям, бывал Ермак. Приведем следующий диалог путешественника с жителем Верхотурского уезда: «Это еще Ермаков лес!.. –

²¹ Предания и легенды Урала... С. 35.

²² Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян... С. 29.

²³ Красноперов Д.А. Я увез из Перми воспоминание. Пермь, 1989. С. 106.

²⁴ Софронов В. Кто же ты, Ермак Аленин? Тобольск, 1998. [Электронный ресурс]. – доступ: <http://www.zaimka.ru>.

"Да ведь Ермак тут не шел". – Это все равно. Народ со всем, что здесь выдается из ряда, соединяет имя Ермака... Ермакова гора, Ермакова падь, Ермаков лес... В другом пункте Урала повторяется то же самое»²⁵.

Уральский историк А.А. Дмитриев называет большое количество мест, где, если обратиться к народной памяти, проходил герой со своей дружиной. На р. Тагил сохранились остатки его укрепления, прозванные местным населением «Ермаково городище». Легенда гласит о том, что татары долго выслеживали русских воинов, о чем сохранились красноречивые названия: «Караульный» утес или «Караульный Яр». На Чусовой всем известен камень Ермак; многие представители простого народа утверждали, что здесь он скрывался. По некоторым рассказам, с этого камня он бросился в Чусовую и пошел ко дну под тяжестью доспехов²⁶. Кстати, на Сылве, где также пролегал путь Ермака, по ошибке (как считается по одной из версий), тоже стоит камень, носящий его имя.

Действительно, Ермак – нечто большее, чем просто историческая личность:

некоторые деревни Зауралья, носившие разные имена, по утверждению местных жителей, возникли в те далекие годы. Первопоселенцами там были выделившиеся из дружины Ермака воины. «Из группы Ермака выделились три человека: Рагозин, Лобанов и Дерябин. Рагозин высадился на тот берег, там и прижился... Потом высадился Лобанов. Тут деревня Лобанова стала. А потом Дерябин высадился»²⁷. В.И. Немирович-Данченко после очередного подобного высказывания вполне справедливо заметил: «Распросишь и окажется, что легендарный герой наш должен был жить по крайней мере триста лет»²⁸.

Чрезвычайная популярность Ермака объясняется теми свойствами, которыми народное сознание наделило героя. Безусловно, покоритель Сибири интересен был людям не столько с точки зрения реальных исторических событий, сколько как образ заступника, героя, праведного человека. Ермак в качестве истинного героя, защитника родной земли предстает во всех преданиях. Таким образом, возможно, последний богатырь земли русской в то же время – чисто уральское явление,

Строгановские палаты (г. Усолье)

²⁵ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 126.

²⁶ Предания и легенды Урала... С. 24.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 288.

Спасо-Преображенский собор

родоначальник для этой части русской земли. Былинные богатыри всегда в первую очередь предстают в образе защитников родной земли. Именно Прикамье в данном случае выступает в роли той самой «несчастной» и «поруганной» русской земли. В песне поется:

*Ты плыви, плыви, добрый молодец,
Атаман Ермак Тимофеевич.
Ты возьми, возьми всех татар в полон, –
Хватит им зорить землю русскую²⁹.*

Сергей Есенин в одном из своих известнейших стихотворении писал:

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.*

Удивительно то, что С.А. Есенин, переехав всего лишь в соседнюю губернию в Москву (сердце русское), написал такие слова. Русь – это не только общекультурное пространство русской земли, но и дом родной, малая родина. Без малой родины нет и Святой Руси. Так и для уральцев являлся Русью Средний Урал, родные реки, леса и горы, будучи родными местами, представлялись той самой одной на всех Русью.

Имена *Русь* и *русский* в сознании на-

рода, кроме очевидной однокоренной природы, имели глубокую эмоциональную связь. Это не просто названия. Русский без Руси как культурно-религиозного пространства не может существовать. Поэтому так популярна на Урале, да и в остальной России, была «Песня русской матери». В данном произведении устного народного творчества повествуется о жизни полонянки в татарской земле. Ни о каких ужасах плена, кроме разлуки со «Святой Русью», в песне речь не идет, но этого вполне достаточно. Об одном только мечтает русская женщина – о встрече с Родиной³⁰. Русь здесь представлена как некое культурное пространство, не географическое, жить без которого невозможно, – только существовать. Русь и все русское, если выразить мысль в виде метафоры, является воздухом, которого, когда он в довольстве, не замечают, но когда его недостаточно, когда сама возможность его исчезновения становится реальностью, – жизнь становится невозможной.

Урал не только оставался русской землей и осознавался таковой, – уральцы сохраняли русскую культуру в исконном виде. Многие национальные традиции забывались в Центральной России, в то время как Пермская земля продолжала жить по ветхим русским заветам. Урал на протяжении сотен лет оставался периферийным русским краем, связь с которым далеко не всегда была возможна. Русскость его, в том числе, и в сохраняемых национальных традициях, была частью забытых в центральных русских губерниях. Показателен в данном случае пример с былинами, зародившимися в Киевской Руси, следа которых на современной Украине (да и в XIX в.) не отыскать. К изучаемому периоду забылись они и в Московии (в XV–XVII вв. – колыбели великорусского народа), но сохранились на Русском Севере, в Сибири, на Урале.

Русь – это не столько страна, сколько культурное пространство. В этом смысле Урал есть составная часть Руси, со свои-

²⁹ Там же. С. 11–12.

³⁰ Камская вольница: исторический фольклор Прикамья / собр. и сост. И. Зырянов. Пермь, 1993. С. 49–52.

ми региональными особенностями, однако многие древние традиции здесь сохранились лучше, чем в центральной России. «Может быть, нигде еще в такой неприкосновенности не сохранилась в своих обычаях, поверьях и обрядах Русь XVI в., как в каком-нибудь Чердынском уезде», – изучив традиции родного уральского края, писал Д.Н. Мамин-Сибиряк³¹. Особенно выделял он по глубине национальной традиции чердынскую свадьбу, в которой, кроме обряда, видел «выстраданную русскую правду».

Из осознания своей общности (однако, в составе русского народа) проистекала закономерная гордость за свой край, что выражалось, в том числе, в достаточно частом употреблении региональном имени *уралец*. Гордость за свою родную землю оборачивалась гордостью и за всю страну. Для русских солдат, уроженцев Урала, во время мировой войны понятие *Урал* и *Родина* слились воедино: защищая Россию, они защищали родную землю – Прикамье и Зауралье. В письме с фронта в редакцию «Пермских губернских ведомостей» от ратников государственного ополчения 1-й роты 286-го пехотного полка понятие *Родина* мыслится и как Большая Родина – Россия, и как родные края. В 1915 г. воины полка, находившиеся на территории Российской империи, пишут домой благодарственное письмо, где выражают признательность Шадринскому и Ильинскому комитетам за подарки и заботу об «оторванных от дорогой Родины»³². Подобный случай красноречиво свидетельствует о роли региональной идентификации в национальном самосознании.

Безусловно, национальное самосознание русских – отдельная и весьма сложная тема в истории и этнографии, очевидно, еще ожидающая своих открывателей. В данной работе поставлен вопрос о роли регионального фактора в формировании этнической идентификации в рамках конкретного исторического периода. Дейст-

вительно, материал по названной тематике довольно обширен (при этом рассматривалась только Пермская губерния в строгих хронологических рамках); в результате можно с уверенностью сказать о высокой степени влияния местных воззрений на складывание и развитие этнического самосознания русского населения Урала. Нет сомнений и в том, что подобная картина, возможно, со своими особенностями, будет прослеживаться по всей территории проживания русского населения в обозначенный период.

При отсутствии унифицированного школьного образования и слабости средств массовой информации мировоззрение личности строится в основном посредством освоения знаний и опыта у старшего поколения через устное народное творчество. Традиционная жизнь конкретна, отталкивается от природной и социальной среды. Поэтому такое важное место в народном сознании занимают географические объекты: реки, горы, населенные пункты, отдельные камни, скалы, лога, леса и болота. С этими объектами связываются реальные или вымышленные события (как правило, явь и выдумка переплетаются). Так рождаются и столетиями бытуют легенды, становясь символами территории. Однако очень важно то, что все эти символы, или визитные карточки, имеют смысл только в общерусском контексте. Имя *уралец* говорит само за себя, если общение происходит с сибиряком, помором, казаком, жителем Украины или Центральной России. В то же время уральцы не называли себя уральцами при взаимоотношениях с иноплеменниками. В таком случае они именовались русскими, православными или христианами. Именно поэтому так часто на страницах печати или в зафиксированных высказываниях священнослужителей и интеллигенции говорилось о «большой русской семье». И уралец, как житель Среднего Урала, – это один из членов такой семьи, дружества, многоединства.

³¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Пермь, 1988. С. 198.

³² Письмо в редакцию от ратников государственного ополчения 1-й роты 286-го пехотного полка // ПГВ. 1915. № 130.